

Август-Фридрих-Вильгельм. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

Август-Фридрих-Вильгельм. Виктор Платонович Некрасов

Король – это звучит гордо.
Шекспир, «Король Лир»

Случай, или точнее, знакомство это произошло в Дрездене в мае сорок пятого года, через несколько дней после капитуляции Германии. Вернее, даже не в Дрездене – он весь был разрушен американской авиацией, – а в шести километрах от него, в очень живописном городишке Пильнице, на берегу Эльбы, где расположился наш батальон.

Жили мы в замке, принадлежавшем когда-то саксонским королям, в их летней резиденции. Кругом был парк, какой и должен быть вокруг замка, с древними липами, тенистыми аллеями и задумчивым прудом, по которому, вероятно, когда-то плавали лебеди. Общее впечатление портил только дворец – нелепейшее сооружение с колоннами, носившее претенциозное название «Хинезишес Палэ» – «Китайский дворец», хотя китайского в нем, кроме каких-то нарисованных, якобы в китайской манере, фигурок на карнизе, не было ничего.

В замке жили престарелые художники, целыми днями где-то пропадавшие и приходившие поздно вечером с наполненными до отказа рюкзаками. Жили они в правом флигеле дворца, я со своим батальоном – в левом.

Война кончилась, но работы было много. Ежедневно приходилось ездить в Дрезден и заниматься там разминированием и приведением города в порядок. Ночевать возвращались в Пильниц.

И вот, как-то вечером, возвращаюсь я из города, усталый и голодный, – по дороге еще произошла авария с машиной, задержавшая нас на добрых полтора часа, – и встречает меня во дворе дежурный по батальону – хитроглазый сержант Черныш.

– Вас там, товарищ каштан, якийсь старичок, немец, дожидается.

– А что ему нужно? – спрашиваю.

– Не знаю, не каже.

– «Лебенсмиттель», должно быть. Направил бы прямо к старшине.

«Лебенсмиттель» – продукты питания – облеченная в приличную форму просьба поесть – первая фраза, которой научились наши бойцы от немцев.

– Ни, вас, каже, треба.

– А где он?

– Там, у зали сидить.

Старичок оказался маленьким, сухоньким, на вид лет шестидесяти, но еще подвижной и довольно сохранившийся, с обвислыми, как у породистой собаки, щеками, довольно бодро торчащими подкрашенными усами и невероятно аккуратно причесанными, вернее расчесанными, реденькими волосиками на голове. Одет он был, несмотря на жару, в пальто с потертым бархатным воротником, из которого выглядывал другой – стоячий, крахмальный. Брюки были узенькие, в полоску, на руках лайковые перчатки кремового цвета, за спиной, как у всякого добропорядочного немца в то время, болтался, точно горб у голодного верблюда, полупустой рюкзак.

При моем появлении лицо старичка приняло смешанное выражение удивления, восторга и горделивого достоинства – весьма сложное и неожиданное сочетание чувств.

– О-о-о! – сказал он и, слегка склонив голову набок и вперед, сделал несколько мелких шажков по направлению ко мне.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал я.

– О-о-о! – Старичок ловким, привычным движением скинул рюкзак и уселся в кресло.

Август-Фридрих-Вильгельм. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Я тоже сел.

– Чем могу быть полезен?

Старичок скрестил ноги, соединил кончики пальцев и приятно улыбнулся.

– Я чрезвычайно рад, герр оберст (я был только капитаном, но старичок возвел меня почему-то в полковники), чрезвычайно рад, герр оберст, что имею дело с таким высококультурным и образованным человеком (опять-таки я не совсем понял, какие у старичка были основания сделать этот вывод, но возражать не стал, бог с ним). Мне также весьма приятно приветствовать в вашем лице человека, который, став, так сказать, хозяином этого прекрасного дворца, сумел, невзирая на трудности и сложности военного времени...

– Если можно, покороче. У меня мало времени, к тому же я очень устал.

– О да, да. Я понимаю. – Он быстро и сочувственно закивал головой. – У вас много работы. Американцы разрушили город. И мне говорили, что вы приводите его в порядок. Это очень порядочно с вашей стороны. После того, что...

Я взглянул на часы. Было около восьми, а встали мы в четыре.

– Ближе к делу? Понимаю. Русские – деловые люди. Они не любят терять время даром. – Он сделал паузу и, наклонившись слегка вперед, заговорил вдруг конфиденциальным тоном: – Поэтому я и пришел к вам, как к деловому человеку. Деловой человек к деловому человеку. Война войной, а дело делом. Не правда ли?

Он галантно улыбнулся и вопросительно посмотрел на меня. У него было невероятно подвижное лицо, как у актера или приказчика галантерейного магазина. Чувства, которые он в данный момент испытывал, сменяли друг друга с непостижимой быстротой. Иногда отыгравшее уже чувство не успевало еще сойти с его лица, как появлялось новое, и тогда они наслаивались одно на другое. Черныш, как-то потом уже, сказал, что старичок очень забавно «мордой хлопочет», и нам всем очень понравилось это выражение.

Я сидел, смотрел на этого «хлопочущего мордой» старичка и невольно ловил себя на том, что куда внимательнее слежу за его мимикой, чем за ходом его мысли.

А он тем временем продолжал:

– Я пришел поговорить с вами, герр оберст, по очень важному и существенному для меня делу. Я пришел поговорить об этом дворце, об этой усадьбе, так сказать. Видите ли, герр оберст, этот дворец и эта усадьба принадлежат мне.

При этих словах он встал и не без изящества отвесил легкий поклон.

– Вы хотите сказать, принадлежали?

В глазах старичка мелькнула и сразу же исчезла настороженность, уступив место обезоруживающей, невинной улыбке.

– Как вам сказать... Принадлежали, принадлежат... Это в конце концов...

Он не закончил фразы, пожал плечами и, усевшись опять в кресле, выжидательно стал смотреть на меня, скрестив по-прежнему ноги и соединив кончики пальцев.

Я ему сказал, что, насколько я знаю, этот дворец принадлежал когда-то саксонским королям, где они сейчас – неизвестно, да и в конце концов не очень интересно, что в доме этом живут теперь престарелые художники, что выселять их никто не собирается и что вообще все будет в порядке. К концу разговора я осведомился, с кем имею честь беседовать.

Старичок встал. Мне даже показалось, что он стал немного выше.

– Меня зовут Август-Фридрих-Вильгельм Четвертый. До ноября 1918 года я был королем Саксонии.

Он опять поклонился, и в поклоне этом, кроме изящества, была уже и некая

Август-Фридрих-Вильгельм. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru торжественность.

Не буду врать – я опешил. Я ожидал чего угодно, только не этого. Я никогда в жизни не встречал королей. Разве что Людовика XIII и Ричарда Львиное Сердце в романах Дюма и Вальтера Скотта. Да иногда в старой «Ниве» мелькнет фотография: «Престарелый шведский король Гаокон такой-то на отдыхе в Ницце» или Альберт бельгийский, в каске и обмотках, награждающий каких-то солдат. Вот и все. Одним словом, представление об этой категории лиц я имел довольно туманное. Но все-таки имел. Туманное, но имел. То же, что сейчас сидело передо мной, – суетливое, с фиолетовыми усами и бесконечными «герр оберст» – рушило все мои представления о тех, кто в книгах именовался августейшими монархами.

Я предложил папиросу. Август-Фридрих-Вильгельм IV с охотой взял. Похвалил табак. Я предложил ему пачку. Он сказал «о-о-о» и спрятал ее в рюкзак.

Заговорили о жизни – так надо было, очевидно, из вежливости, прежде чем опять приступить к делам. Старик жаловался на американские бомбежки, на Гитлера (это специально для меня), на нелегкую жизнь. Когда восемнадцатый год – «ох, этот тяжелый, невеселый восемнадцатый год!» – лишил его короны, он решил посвятить себя искусству.

– О! Искусство! Единственно святое, что осталось еще в жизни. Оно над всем. Оно не знает войн и революций. Оно парит над нами как... как... – глаза его слегка увлажнились, и он не закончил фразы.

– Вы художник? – спросил я его.

– Нет, к сожалению, я не художник. Бог не наделил меня талантом. Но я помогаю художникам. Я помогаю бедным старым художникам. – В этом месте его голос слегка дрогнул. – Я даю им кров, которого они лишены.

– Вы им сдаете комнаты? – уточнил я.

– Да. Я им даю кров, которого они лишены. И они очень мне благодарны.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что у короля таких дворцов, как в Пильнице, еще три и что все четыре он сдает, вернее, сдавал, и вот теперь его очень интересует – «ведь мы с вами, герр оберст, люди деловые», – у кого он должен получить разрешение, «или как это у нас называется», одним словом, где он может оформить свои права на владение этими четырьмя дворцами.

В самых вежливых выражениях я ему дал понять, что этот вопрос пока еще не решен и что, когда он будет решен, его, Августа-Фридриха-Вильгельма, об этом поставят в известность, а пока, если он не возражает, я могу его снабдить кое-какими «лебенсмиттелями».

О, бедный, бедный король! С каким видом он укладывал в свой рюкзак консервы и хлеб, выданные ему моим старшиной Федотиком. Он все время повторял свое «о!», причем каждый раз на более высокой ноте, и на лице его можно было прочесть весьма длинную фразу, обозначающую приблизительно следующее: «О, как это все тяжело! Но что поделаешь – жизнь, увы, устроена так, что иногда и венценосцам приходится прибегать к услугам добрых людей. Это горько, очень горько, но отнюдь не постыдно, и вы понимаете меня, герр оберст».

Когда мы шли по двору, он указал на дворец и сказал:

– Не правда ли, прекрасное сооружение? Оно обошлось моему отцу в... – и он назвал какую-то значительную сумму, бесспорно доказывавшую художественные качества дворца.

Он стал довольно часто заходить ко мне. Он приезжал на стареньком велосипеде, оставлял его около ворот и, любезно приподымая котелок, шел через весь двор к моему флигелю. Черныш, сияя, докладывал: «До вас опять цей самый, король йихний...» – а из-за его спины уже выглядывал, тоже сияющий, Август-Фридрих-Вильгельм со своим неизменным рюкзаком.

– Морген, герр оберст. Сегодня чудная погода.

Он садился в кресло, закуривал папиросу и каждый раз восторгался русским табаком.

– Прима, прима!

Насчет дворца и усадьбы он уже не говорил. Его интересовало другое.

– Вот вы скажите мне, пожалуйста, герр оберст, как, на ваш взгляд, могли бы отнестись ваши власти к тому, чтобы я открыл, например, небольшое дело. Ну, совсем пустяк какой-нибудь... Дрезденские дамы, например, очень страдают сейчас из-за отсутствия шляпок. Дама всегда остается дамой. Что поделаешь. Война войной, а дама дамой, – он игриво улыбался и слегка хлопал меня по колену. – Вот и хочется как-то помочь им...

– Так же, как вы в свое время помогали художникам?

Он делал вид, что не понимает моей шутки, а может, и действительно не понимал.

– Вот именно, вот именно. Нас четверо – я, моя супруга, дочь и ее муж, очень приличный, воспитанный господин, не нацист и никогда им не был. Вот и все. Никакой наемной силы, никакой эксплуатации, так что с вашей точки зрения, – он опять очень мило улыбался, – никаких, так сказать, нарушений...

Я ничего не мог ему посоветовать, так как был несведущ в этих вопросах, и каждый раз он очень огорчался.

Как-то раз он явился со своей супругой, такой же, как он, сухонькой, тоже в каком-то крахмальном воротничке, в кружевных перчатках и с громадным старомодным зонтиком с крючком. Звали ее как-то очень длинно, но я запомнил только одно имя – Амалия. Она вздыхала и ахала, осматривала комнаты и даже где-то пощупала обвалившуюся штукатурку. К концу разговора она спросила, не знаю ли я, будут ли брать с них налоги, и если да, то какие. Я сказал, что не знаю. Она была явно разочарована.

А как-то он притащил в своем рюкзаке два громадных семейных альбома. Это были пудовые фолианты, тисненные золотом, с гербами на переплетах и массивными застежками. Внутри было сборище королей, принцев и курфюрстов со всеми их семействами. Сам Август-Фридрих-Вильгельм изображен был более чем в двадцати видах – пухлым младенцем с задранными сверху ножками, отроком в бархатных штанишках и с кружевным воротничком, усатым буршем в корпоративной шапочке, еще более усатым офицером какого-то кавалерийского полка и, наконец, в королевском облачении – в мантии, короне, весь усыпанный орденами. Усы у него торчали почти как у Вильгельма, и в глазах было что-то такое монаршее.

Уходя, он подарил мне большую фотографию, где были изображены он и его Амалия: он – в безукоризненном фраке, она – в подвенечном платье. Оба были молоды, красивы и в руках у обоих – большие букеты роз.

– Это когда я еще был кронпринцем, – пояснил Август-Фридрих-Вильгельм. – Мне было тогда двадцать четыре, а Амалии двадцать один. Не правда ли, она здесь очень мила? Совсем грезовская головка. Кайзер Вильгельм Второй, когда увидел ее – мы уже тогда соединились, так сказать, узами Гименея, – погрозил мне пальцем и сказал: «У тебя есть вкус, Август». А он был большой знаток женщин. Кстати, она из очень хорошей фамилии. Отец ее, младший сын великого курфюрста...

И он начал рассказывать одну из обычных бесконечных историй, которыми буквально вгонял меня в гроб. Он знал все, что происходило при дворах германских княжеств и герцогств с начала XX века. Он знал родословные всех монархов и их приближенных, знал все тайны и интриги дворов, с точностью очевидца мог рассказать все связанные с ними альковные секреты, помнил все парады и торжественные обеды, гербы и туалеты, манеры и моды – одним словом, это был король-энциклопедия.

Сначала меня это забавляло, потом стало несколько утомлять, а когда визиты участились чуть ли не до ежедневных, я велел Чернышу направлять старика прямо к Федотику за продуктами.

Август-Фридрих-Вильгельм. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

За день или два до того, как наш батальон должен был совсем покинуть Дрезден, я, совершенно случайно, опять столкнулся с «поверженной династией».

Я шел по одной из разрушенных улиц города, когда за моей спиной раздался знакомый голос:

– Герр оберст, герр оберст!

Я обернулся. Август-Фридрих-Вильгельм приветливо махал мне рукой и подзывал к себе. Он выглядывал из какой-то щели полуразрушенного дома, а над головой его красовалась вывеска: «Шляпное дело м-ме Амалии». Вывеска была красивая – слева нарисована дамская шляпка и ленты, а над именем мадам Амалии лев и единорог, с закрученными хвостами и высунутыми языками, поддерживали корону.

– Прошу, прошу, герр оберст, заходите.

Я зашел. Внутри было очень чистенько и уютно. На стенах висели картинки каких-то замков с башнями, в крохотном, выходящем на улицу, оконце стоял пышногрудый бюст улыбающейся дамы в кокетливой шляпке, а сама фрау Амалия, помолодевшая и посвежевшая, по-моему даже подкрашенная, в светлом передничке и светлой наколочке, любезно улыбалась из-за прилавка. Рядом стояла поблекшая, с поджатыми губами, обиженного вида особа, очевидно дочь, и время от времени появлялся какой-то молчаливый субъект с висячими губами – по-видимому, тот самый, очень приличный, воспитанный господин, не нацист, муж дочери. Заказчиков и покупателей я что-то не заметил.

– Как идут дела? – спросил я.

– Средне, герр оберст, весьма средне, – Август-Фридрих-Вильгельм покачал головой. – Сами понимаете, покупательная способность у населения невелика. И с материалом к тому же трудно. Хочется, чтобы все было все-таки первосортное, а время такое, что первосортное, сами понимаете, не всегда удается достать. Трудно, в общем, трудно. Думаем вот, параллельно, начать открытки продавать. Старый, так сказать, Дрезден и Новый. До и после. Вы меня понимаете? Любопытно? А? Как на ваш взгляд – спрос будет?

Он отошел к своей Амалии и о чем-то с ней зашептался. Потом неожиданно спросил меня:

– Ваша жена, герр оберст, блондинка или брюнетка?

– Шатенка, а что?

Они опять пошептались. Потом поблекшая дочка куда-то вышла и вернулась с большой круглой коробкой.

– Так вы говорите, шатенка? – опять спросил меня старик.

– Шатенка.

– Тогда вот, прошу. От меня и, – он сделал жест в сторону своей супруги, – фрау Амалии. Это носит сейчас вся Европа.

Он протянул мне коробку. В ней оказалась очень большая и уродливая шляпа розового цвета, с голубыми бантиками и какими-то букетиками, приколотыми к разным местам. Я был очень тронут и поблагодарил.

Я пробыл еще минут десять в их магазинчике. Старик успел рассказать мне очередную историю о какой-то принцессе, пожаловаться на свой ревматизм, осведомиться, не знаю ли я, где можно достать пирамидон – у фрау Амалии по ночам страшные головные боли. Потом я попрощался и направился к выходу.

– Айн момент, герр оберст, – фрау Амалия любезно кивала мне из окошка кассы. – С вас пятьсот марок, герр оберст.

– С меня?..

Август-Фридрих-Вильгельм. Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
– За шляпку. Вы нигде в городе так дешево не найдете.

Я вынул пятьсот марок и заплатил.

– Ауф видерзейн, герр оберст, – сказала фрау Амалия, протягивая мне чек.

– Ауф видерзейн, – как эхо, повторили дочка и зять.

– Ауф видерзейн, – сказал Август-Фридрих-Вильгельм, открывая передо мною дверь.
– Заходите, не забываете. На днях уже открытки будут. Старый Дрезден и Новый.
Разрешите вам оставить серию?

Шляпку я подарил нашей поварихе – она осталась очень довольна, свадебную же карточку – ее сынишке. Он пририсовал обоим – и Августу-Фридриху-Вильгельму IV и Амалии – роскошные усы и бороды, щеки раскрасил красным карандашом и утверждает, что оба они от этого стали намного красивее.

1955

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!